

Галина КЛИМОВСКАЯ

УРОКИ КОЛХИДЫ

ПОВЕСТЬ

Как же давно всё это было! Где-то в середине шестидесятых годов приснопамятного двадцатого века!.. И тем не менее целый ряд побуждений как будто бы даже обязывают меня рассказать о том, что со мной приключилось в один из этих шестидесятых годов в удивительном (удивительнейшем!) месте на территории нашей тогдашней большой страны – Советского Союза. Конкретно – в одной из его шестнадцати (или только пятнадцати? – забылось уже) братских республик – Абхазии. А ещё конкретнее – на знаменитом в то время курорте Цхалтубо.

В глубокой – ещё античной – древности это место называлось Колхидой и стало широко известно миру тем, что именно здесь за какие-то свои, как сказали бы сегодня, противоправные деяния был прикован к скале Прометей, и именно сюда прилетал орёл и клевал ему печень. Ужас!..

Но в описываемое здесь время античный ужас уже развеялся, это место давно уже называлось Цхалтубо и было просто радоновым курортом, но высокой – высочайшей! – востребованности.

Бог его знает, откуда эта цхалтубская радоновая вода вызнала секреты многих заболеваний человека и успешно справлялась с ними путём простого погружения больного на несколько минут в радоновую ванну. Не требовалось не только досконального предварительного обследования человека, но даже простого его омовения перед погружением в ванну или бассейн, так как в первые же минуты в этой воде гибли все микроорганизмы – и вредные, и безвредные. И вся технологическая база курорта состояла из цепочки либо индивидуальных ванн, либо общих бассейнов. Лично моё лечение здесь состояло из ежедневных погружений в общий бассейн – человек на пятьдесят. Женщин гендерное различие между больными всё-таки учитывалось и соблюдалось.

Однако наряду с высокой востребованностью курорт Цхалтубо отличался и очень малой доступностью для простых граждан нашей тогдашней страны (к которым я всю жизнь отношусь безусловно). Желающих окунуться в целебные радоновые бассейны было в десятки раз больше их – бассейнов – возможностей, так что на каждую точку курортной карты страны отводилось строго ограниченное число путёвок. Бывало, люди годами ждали своей очереди... Но иногда в этой строго рассчитанной системе вдруг случались сбои – и возникал совершенно удивительный феномен: горящие путёвки. Это значило, что путёвка – вот она, а имеющих нужные медицинские показания и одновременно достаточные общественные заслуги на данный момент нет. Вот тогда путёвка начинала «гореть», и внимание распределителей путёвок спускалось строчкой ниже, где значились менее достойные. Вот в одной из этих нижних строчек в тот раз оказалась я.

Медицинским же основанием для получения мной той горячей путёвки послужила долгая, ещё студенческая память моего организма на простуды, случавшиеся во время наших ежегодных осенних (со второго по тридцать первое сентября) «отработок» на колхозных полях. Приходилось копать картошку, свёклу, морковь, даже турнепс. Однажды случилось вязать в пыльные снопы предварительно скошенный лён... А сентябрь в нашей юго-западной Сибири не самый жаркий месяц. Нет, вообще-то Сибирь, юго-западный регион нашей страны, – один из лучших: величайшая река мира Обь и её приток Томь, хвойные леса, уголь, нефть... Но во второй половине сентября тут бывает конкретно холодно. А одеты-то мы были на колхозных полях в лёгкое спортивное трико и кеды тогдашнего образца, ну то есть просто тряпочные. Вот и аукнулось мне всё это с годами.

Но как бы то ни было, а вот она у меня в руках – горячая путёвка в Цхалтубо. Казалось бы, собирай вещички – и в путь. Но уже и на этом пути судьба как бы в лишний раз решила проверить, так ли уж я достойна исцеляющих радоновых вод. Прямого авиарейса «Томск – Цхалтубо» в то время не было – да и сейчас нет. Лететь мне предстояло сперва до Москвы, а потом уже до Кутаиси – это рядом с Цхалтубо.

Ну, до Москвы я долетела без приключений, а вот на воздушном пути от Москвы до Кутаиси приключение случилось: едва не состоявшееся крушение нашего маленького, какого-то несерьёзного самолётика. И дело было так. Самолётик был полон только наполовину, и я, в соответствии со своими пристрастиями, заняла место у иллюминатора, но это место оказалось только в предпоследнем ряду, так что, проходя к нему, я заметила, что на креслах последнего ряда лежали только чем-то набитые сумки, пассажиров не было.

Ну, ладно. Полёт происходил в первой, светлой половине суток, так что я у иллюминатора вдоволь насмотрелась на залитые солнечным светом облака – больше ничего не было видно. Но вдруг не стало видно и облаков, а к самолёту иллюминатору подступила абсолютная темнота, даже чернота, так что в салоне включили свет. И в тот же миг в салон вошла бортпроводница и начала громко кричать на кого-то позади меня. Я удивилась: на кого это она кричит – ведь позади меня только сумки...

Минуты через три (очень долгие!) за иллюминатором вновь посветлело, облака вновь окружили наш самолёт. И скоро он осуществил посадку в крошечном аэропорту Кутаиси. По выходе из него я прежде всего обратила внимание на большие плоские кепки немногочисленных встречающих моих немногочисленных попутчиков. Потом удивилась: что же это они, не успели встретиться, громко кричат, руками размахивают? Когда успели поссориться?.. Это только позже я поняла: такая здесь манера обычных разговоров. И только в-третьих я из немногих прозвучавших по-русски фраз поняла: оказывается, при подлёте к Кутаиси наш самолётик попал в турбулентные потоки воздуха и несколько минут летел крыльями под прямым углом по отношению к поверхности земли (Земли!). Вот та удивившая меня внезапная чернота за иллюминатором была опасной, ближайшей к нам горой, которых тут очень много: Кавказ! Оказывается, здесь такое случается и не всегда оканчивается благополучно... Так вот почему наша бортпроводница кричала на сумки в по-

следнем ряду салона: отвлекала наше внимание от возможной беды!.. Но на этот раз обошлось – и все встречающие встретили своих прилетевших.

Не успела я растеряться во всём увиденном и услышанном, как оказалось, что и меня тут встречали: высланный для этого сотрудник курорта вычислил меня среди прилетевших и встречавших (мужчин в больших кепках), усадил в маленький автобусик – и через несколько минут я наконец в Цхалтубо...

Передо мной открылась уходящая вдаль цепочка небольших, но настоящих белокаменных дворцов – лечебных корпусов, вытянувшихся по склону одной из двух противостоящих друг другу гор, но на досягаемой для пешего – по белокаменной лестнице – спуску на дно образуемой горами долины. А по её дну протекала радоновая речка, невидимая из-за множества бассейнов, куда и поступала её чудодейственная вода.

Белокаменные дворцы – лечебные корпуса – изнутри были очень комфортабельные, и я задавалась вопросом: это в какие же времена, сплошь роковые для нашей страны, и для кого были они возведены? Но вот, оказывается, и для нас...

Даже погодные условия здесь были приспособлены для полноценного нашего лечения и отдыха. С утра, пока мы бегали по врачевным кабинетам и радоновым бассейнам (с заходом на местный фруктовый рынок, где в тот раз черешня была почти что даром), стояла ясная, обильно солнечная погода. Потом, после обеда, во время обязательного здесь тихого часа, когда нельзя было покидать корпус, на долину обрушивался летний дождевой шквал, по времени точно совпадавший с началом и окончанием тихого часа. И снова до самого заката сияло щедрое кавказское солнце. И мы, отдыхающие, всю вторую половину дня предавались внелечебным радостям жизни: прогулки, знакомства с новыми попутчиками жизни, а с наступления скорого тут вечера – танцы... О танцах чуть позднее...

В первые дни моё ближайшее здесь окружение составляли две соседки по палате и медсёстры в бассейнах. Одна палатная соседка, дама лет пятидесяти, только по тому и запомнилась, что, будучи костюмершей краснодарского телевидения, ежеутренне применяла свои профессиональные умения для сооружения роскошных – как бы даже античных – причёсок третьей нашей соседке – красавице Зайнаб. Зайнаб, год в год моя ровесница, тоже была преподавателем русского языка, но в своей сельской узбекской школе, что освобождало её от различия трёх родов (мужского, женского и среднего) русских слов в пользу одного мужского. Про себя она говорила: «я пошёл», «я сказал». И даже: «Надену свой узбекский платё». Кстати сказать, узбекское платё – это вроде бы мешок длиной до самых щиколоток, но сшитый из чудесного, ярчайшего полосатого шёлка.

Но главное различие между мной и моей новой подружкой (а мы сразу же подружились) проходило не по национальному, совсем по другому признаку: у меня была (к нашим с ней тридцати трём годам) одна дочь, а у Зайнаб – пятеро детей обоих полов...

Однако здесь, на курорте, это различие не было очевидно, и Екатерина Ивановна Чачабая, главный врач нашего корпуса № 1, прописала нам, одинаково «худющим» и замученным нашими учебными трудами (мои протекали в Том-

ском университете), одинаковое лечение. Так что мы с Зайнаб проводили весь курортный день вместе до вечера: ели за одним столом, спали в одной палате, «принимали процедуры» в одном бассейне... на пятьдесят человек.

Более подробно о нашем лечении. Каждый понедельник мы получали у медсестры Сони расписания на неделю, которые в абхазской орфографии Сони выглядели так: «Понедельник – 1 вани (то есть «ванна»), вторник – 2 вани, среда – 1 вани...». Здесь гуляли проходные шутки: «Ну, как тебе сегодняшний Ваня?», «Ну, сколько у тебя сегодня Вань? Выдержишь?».

И уже сами отдыхающие по своей инициативе в дополнение к «Ваням» изобрели ещё один вид местной терапии – «кустотерапию». В основе её лежали густые заросли кустарника на горе, двумя ярусами выше нашего корпуса, в которых ежевечерне протекали отнюдь не санкционированные Екатериной Ивановной романтические свидания отдыхающих. Рассказывали, что однажды энтузиасты этого вида лечения спросили одного незадачливого мужичка, только что приехавшего и ещё не осмотревшегося: «А тебе что – кустотерапию не назначили? Одни ванны? Зажилили – для своих экономят... Иди к врачу, требуй...». И он пошёл... А характер у Екатерины Ивановны, при всей её удивительной доброте к нам, её пациентам со всех волостей Советского Союза, был крутой, а голос громкий. Ох, рассказывали, как она кричала в тот раз (в адрес шутников, не этого мужичка): слышно было не только на первом этаже, где располагался её кабинет, но и во всём корпусе...

Вот теперь о наших танцах в Цхалтубо. Этот вопрос требует углубления в историю. В моём школьном детстве, пришедшемся на первые послевоенные годы, мы, как это ни странно, на наших школьных вечерах танцевали много и очень разнообразно. Вот наш тогдашний танцевальный репертуар: классический (он же венский) вальс и его более поздний британский вариант – вальс-бостон; британские же тустеп и фокстрот («лисий шаг»), французские падекатр и падепатинер, испанские падеспань и танго, польские полька, краковяк и мазурка. Не верите? Да мне и самой уже не очень во всё это верится, но по первому же вашему требованию я могу показать все па этих танцев и напеть их мелодии. Чудесного «Вальса цветов» композитора Киянова или вальса-бостона – из кинофильма «Мост Ватерлоо»: «Но вальса звук и сердца стук приведут меня к тебе...».

В несколько укороченном варианте мы танцевали всё это на студенческих вечерах, а в совсем уже минимизированном (вальс, танго, фокстрот) на всех курортах страны.

Музыкальным оснащением танцев здесь, в Цхалтубо, ведал некий Абрам Кахава. Вот и дошла до него очередь в этом повествовании. Он имел прямое отношение к Екатерине Ивановне. Из разговоров всё всегда знающих людей мы узнали вот что. В последние предвоенные года абхазская семья Абрама была выслана куда-то в Казахстан, а Абрам, тогда шестилетний шустрый мальчишка, как-то увернулся от ловцов, но на все военные годы стал беспризорником. И только уже после войны его, изголодавшегося и одичавшего бродяжку, подобрала и пригрела Екатерина Ивановна Чачабая, в то время медсестра военного госпиталя. Под её опекой Абрам вырос здоровым и крепким, окончил школу и прошёл ценнейшую практическую выучку у вернувшегося с фронта

без правой (!) руки мастера электро – и радиодола грузина дяди Миши – и стал тем, кем предстал перед нами: киномехаником сразу на нескольких курортах и хозяином огромной фонотеки. Вот перлами танцевальной музыки из этой сокровищницы он и одаривал нас по вечерам.

А однажды произошло вот что. В нарушение устоявшегося здесь метеорологического расписания вдруг как-то вечером, в самое танцевальное время, начался дождь – крупный, шумный. И танцы были перенесены в обнаруживший себя маленький зальчик на первом этаже. Но это было уже совсем другое дело: здесь, на свету, ответственность танцующих и по отношению к партнёрам, и в плане зрительского впечатления от твоего танца существенно возрастала. Поэтому обычных массовых танцев не получилось, потенциальные партнёры, что называется, жались к стенкам. И Абрам изменил тактику: поставил вальс-бостон (именно из «Моста Ватерлоо») и пригласил... меня. Почему меня? Да потому что из всей нашей смены курорта № 1 только мы с Зайнаб были существенно моложе других дам. Но ведь не Зайнаб же с её античной причёской и в «узбекском платье» приглашать на вальс-бостон! В тот раз всё сошлось на мне...

Господи, думаю я сегодня, да я ли тогда, тем дождливым цхалтубским вечером, танцевала вальс-бостон с Абрамом? Более непохожих друг на друга партнёров трудно было представить: колоритно-кавказский Абрам и по-среднерусски «беленькая» я! Но – у нас получилось! Абрам был сильный и опытный танцор, в его руках я как бы даже слегка подлетала на крутых виражах этого танца... Сколько потом немудрящих комплиментов выслушала я от свидетель этого экзотического действия!

После этого показательного выступления у нас с Абрамом случилось несколько разговоров о жизни вообще. В частности, выяснилось, что кроме приличного знания русского языка Абрам владеет (помимо родного абхазского) грузинским, армянским, а также английским и немецким – правда, только в сугубо разговорно-туристическом объёме. Но и то!.. Я, за неимением в общем-то других тем для наших разговоров, стала спрашивать его, почему же он, при таких лингвистических способностях, не учился после школы? Абраму нечего было сказать по этому поводу: он как-то даже отошёл в сторону, стал глядеть в небо...

И настойчивая я завела разговор на эту тему с Екатериной Ивановной – и тоже напрасно. Она тоже ничего не ответила, а, пользуясь тем, что мы с ней в кабинете были одни, подошла к окну, закурила... И просила меня больше не заговаривать с Абрамом на эту тему, «не травить ему душу»... У Абрама, «осколка» репрессированной семьи, не было даже настоящих документов, всё как-то держалось на авторитете Екатерины Ивановны и солидарном молчании всех других... «И вообще у нас здесь не Россия...» – сказала в заключение Екатерина Ивановна. С этого времени она стала относиться ко мне как-то... Ну, в общем даже лучше, чем до этого. А я в своём внутреннем «отделе кадров» перевела её в немногочисленный разряд дорогих старших товарищей...

Но в общем-то тот дождливый вечер с его вальс-бостоном был исключением во всех отношениях. А с первого же моего появления на обычных танцах в аллее у меня обозначились два постоянных кавалера... Так и хочется восполь-

зоваться чересчур частой приговоркой одной моей знакомой: «И что характерно...». Да, и что характерно, оба эти кавалера были Иваны. И оба с первого танца начали углублённо знакомиться со мной: кто такая, откуда, замужем ли – по стандартной курортной программе. Первый Иван по ходу первого же вальса сообщил, что он белорус по фамилии Рысь, а по профессии техник механического (это было подчёркнуто) доения. Кроме того, три породистые коровы находятся в его собственности... Стало ясно, что в Цхалтубо Иван Рысь приехал не только лечиться и танцевать, но и найти тут жену. «У нас в Сумищах есть то, и то» – нахваливал он свою малую родину. Мне было жаль наивного Ивана Рыся... Хотя кто его знает... Кого-то это могло впечатлить – просто не повезло ему в этот раз. Второй Иван начал с того же: по фамилии он Гелевер («Мы из украинских немцев»), по профессии техник-электрик, старший мастер цеха на алюминиевом комбинате... Моё внимание зацепилось за слово «алюминиевый». «Вы из Новокузнецка?» – наугад спросила я – и угадала. Дело в том, что на строительстве этого самого алюминиевого комбината, начатом в первый год войны, с самого начала его (строительства) и до самой своей пенсии, работала моя мама. Вообще-то по профессии она была преподаватель физики и математики, и была-то она маленькой худенькой женщиной тридцати восьми лет, и мы были у неё – дети восьми и четырёх лет. Но началась война. Маму, с учётом не только её профессии, но и зоркого ума и твёрдого характера, попросили – и она согласилась. И всю эту войну и много ещё лет по её окончании мы – я, мой брат и наш отец – видели её мельком ранним утром и затем только с семи вечера. Помимо преподавания физики и математики в круг её обязанностей входили организация учебного процесса в огромном (на пять тысяч человек) учебном комбинате и устройство быта этих пяти тысяч человек-стройбатовцев. Над всем моим детством, где-то выше стен нашей крохотной квартирki, реяло огромное слово: «Осээмча» – «Особая строительно-монтажная часть № 3», предприятие оборонного значения...

Вот обо всём этом мы и поговорили с Иваном по ходу первых наших вальсов. А потом обнаружилась и более интимная наша с ним связь: оказывается, когда-то, в нашем пионерском детстве, мы с его женой Зоей отдыхали в одном пионерском лагере – в Араличево...

Всё это, без дополнительных моих усилий, с самого начала чётко определило формат наших отношений со вторым Иваном: земляки и партнёры по танцам – и не более того. Я даже позволила себе пошутить по поводу того, что Иван как-то подчёркивал именно средний уровень своего электротехнического образования. Это значило, что он окончил техникум – это всё-таки среднее звено между ФЗУ и институтами-университетами.

Я, к сожалению, вначале этой его гордости не расслышала и продекламировала недалеко в моей филологической памяти лежащую строфу Маяковского:

Он был монтёром Ваней,
Но в духе парижан
Себе присвоил званьё
«Электро-техник Жан»...

Ивану стихотворение понравилось, нашего с Маяковским снобского юмора он не уловил, всё принял за чистую монету – как-то даже напрягся и пошевелил губами, пытаясь повторить такой ладный на слух стишок... Как же мне сегодня стыдно за своё филологическое снобство...

Но первый-то Иван, Рысь, об утверждении у нас со вторым Иваном только товарищеских отношений не знал и видел во втором Иване только соперника в его матримониальных расчётах. До меня дошёл слух, что оба Ивана дрались в тех самых кустарниках на задах нашего корпуса... Честное слово, такое случилось в моей жизни в первый и последний раз. Я боялась, что этот слух дойдёт и до Екатерины Ивановны, что грозило бы моментальным прекращением пребывания на курорте не только обоим Иванам, но, может быть, и мне. Но – этот слух до неё не дошёл...

Однако дня за три до отъезда первого Ивана в его Сумищи произошло нечто, что заставило обоих Иванов забыть на время «прежние раздоры» и объединить усилия вот в каком деле, касающемся напрямую только Зайнаб, но и она, как моя подруга, тоже попала в зону внимания обоих Иванов – попечительного внимания: мало ли что... Я тоже присматривала за Зайнаб, видя в том необходимость. Но не уследила: она познакомилась с Такеном, казахом и директором целинного совхоза у них в Казахстане, и их отношения приобрели уже вполне романтический статус. К ним в компанию навязалась некая апа (по-узбекски «женщина, тётушка»), которая в ходе совместных прогулок втроём усмотрела для себя возможность лёгкого профита и стала шантажировать влюблённых: платите деньги, а то напишу жене и мужу. Зайнаб пожаловалась мне, я рассказала об этом Ивану Гелеверу, а тот Ивану Рысю. Оба Ивана на один вечер объявили перемирие, подстерегли эту апу в безлюдном месте, припугнули и даже слегка поколотили. Она на время отстала от Такена и Зайнаб, но через три дня, после отъезда первого Ивана, их снова видели втроём. «Да ну их к чёрту!..» – сказал второй Иван. Да и в самом деле... Я так и не знаю, осуществила ли эта апа свою угрозу.

Ну, это всё, что касалось наших цхалгубских танцев и того, что вокруг них. Но был и ещё один замечательный аспект нашего пребывания в том благословенном краю: обязательные и продуманные экскурсии в разные чем-либо примечательные его места. При этом к автобусу и экскурсоводу прилагался также фотограф, так что вот они, в моём альбоме, фотографии, отразившие на долгую память и Гелатский (христианский) монастырь XIII века, и вход в силиконовую пещеру, и всех нас, участников тех экскурсий: вот Зайнаб, вот я, вот Иван... Гулливер. Впрочем, в силиконовую пещеру я продвинулась только метра на три, а потом у меня начался приступ клаустрофобии, о чём я раньше не подозревала.

А третья экскурсия была лучше первых двух: на родину поэта Маяковского, в конкретное место его рождения и первых лет жизни – на лесную и горную окраину городка Багдади. Сам этот городок совершенно выпал у меня из памяти, но вот этот дом лесничего Маяковского, отца поэта, как бы зависший на небольшой высоте на склоне горы, заросшей невысокими, но густыми кавказскими соснами. А между этой горой и соседней с ней пробил себе дорогу самый настоящий, шумный водопад. Такая отрада и зрению, и слуху...

Сам дом лесничего был домом человека интеллигентного, научного труда: книжные шкафы, полные книг, стеллажи с рядами банок и баночек с какими-то препаратами, на стенах чучело головы оленя, два непростых ружья, барометр... И эта красота и тишина, нарушаемая ненавязчивым шумом водопада... Вставал вопрос: как же в этом отрешённом от сует жизни месте родился и провёл детство величайший, если верить Сталину, поэт советской эпохи, горлопан, хулиган и главарь кого-то там – по оценке самого Маяковского?.. Как же он подвёл Сталина... Но, справедливости ради и помимо оценки вождя, Маяковский был значительный и изобретательный поэт своего времени, и отрадно думать, что хотя бы начало его рано оборвавшейся жизни протекло в таком благословенном месте...

Так бы, чередой лечебных процедур, танцев и экскурсий, и закончиться моему лечебному сезону в Цхалтубо, но ближе к концу этой череды приехала из Ленинграда и именно в нашем корпусе поселилась группа молодых людей (мужчин) явно академического типа. Стало известно, что они в самом деле сотрудники какого-то научно-исследовательского института. Ничего у них не болело, радон ещё несколько лет мог бы подождать их, но их профком «скормил» им вдруг образовавшиеся горящие путёвки. Оказавшись здесь, эти «научники», как их тут стали называть, ваннами и даже танцами пренебрегали, появлялись только в столовой, а всё остальное время бродили в горах или ещё где-то. Ну и ладно бы... Но в какой-то из пяти оставшихся у меня цхалтубских дней ко мне на скамейку перед ужином подсели двое из этих «научников» и («что характерно»!) стали активно со мной знакомиться по той же программе, что и Ивановы, но более детально: откуда я, кандидат каких наук, замужем ли... При этом было ясно, что мои ответы их явно не интересуют, и наш этот первый и последующие разговоры протекали в широком тематическом раскладе: положение дел в нашей науке и культуре вообще... Я уставала от этих разговоров и не могла понять, что им от меня надо. И только на третий день прояснилось, что они – сваты и сватают меня за третьего своего товарища – Вадима. Этот Вадим к моменту сватовства был разведён (ребёнок остался у жены), в Ленинграде у него своя квартира – и его мама очень хочет, чтобы он снова скорее женился. И попросила их, его друзей, поспособствовать исполнению её желания. Вот они и способствовали как могли, совмещая приятное с полезным: отдых в горах и поиск невесты для Вадима. И снова, как и в случае с танцами, стрелка остановилась на мне.

Я чувствовала какую-то негативную подоплёку в раскладе дел этого Вадима, удивлялась его неучастию в этих разговорах, но главным образом искала способ необидно послать его сватов подальше и была рада, что они не появлялись хотя бы на танцах.

Но вдруг эта подоплёка, эта неустойка в жизни Вадима получила исчерпывающее объяснение. И вот как. В маленьком зале нашего корпуса, где мы с Абрамом однажды танцевали вальс-бостон, было пианино. И ежедневно по окончании тихого часа в этот зал приходил совершенно особенный отдыхающий: человек лет семидесяти, подчёркнуто интеллигентный – и по часу и более играл на этом пианино. Что играл? Запомнился «Турецкий марш» Моцарта и «Колыбельная» норвежского (или шведского?) композитора Янфелдта. Я,

как только он начинал играть, пробиралась в этот зальчик, тихонько, мышкой, садилась в уголок заднего ряда и сидела до тех пор, пока этот человек не начал закрывать пианино. Мне казалось, он не подозревает о моём присутствии. Но однажды он окликнул меня, когда я была уже в дверях. Я испугалась: неужели я всегда мешала ему, а он терпел моё присутствие? Не знаю. Но в тот раз он обратился ко мне: «Галина Ивановна, у меня к вам разговор...» – и представился: «Леонид Николаевич».

Разговор был о Вадиме и его сватах. Леонид Николаевич знал их всех, так как они работали в одном НИИ. Знал он и мать Вадима, работающую там же, в администрации, и с её слов рассказал мне вот что. Вадим помимо того, что он сотрудник НИИ («научник»), ещё и серьёзный альпинист. Эта сторона его жизни и до женитьбы, и во время уже семейного состояния протекала так. Ежегодно всё лето, с июля по август, он на каком-то очередном «восхождении». Потом в течение всей осени и зимы они (альпинисты) обсуждают результаты прошедшего сезона, а с марта начинают готовиться к новому. Дело это очень затратное и хлопотное, оно поглощало всё свободное от работы в НИИ время Вадима и семейные финансы. В конце концов его жена не вытерпела, забрала ребёнка и ушла, а наивная Зоя Алексеевна, мать Вадима, надеется, что новая жена будет более терпима к альпинистским пристрастиям сына.

Вот слова Леонида Николаевича, сказанные мне в заключение этого нашего разговора: «Галина Ивановна, никогда, ни при каких обстоятельствах, ни за какие посулы не связывайте свою жизнь ни с альпинистами, ни с сёрферами, ни с этими... как их... байкерами, ни с кем из этого ряда. Они все психически нездоровые люди: адреналинщики. Выбросы адреналина, сопровождающие все эти восхождения, погружения и прочее – вот главная цель их жизни. Ничто другое в их жизни не конкурирует с этим...»

Я подавленно молчала, а в голове в качестве дополнительных аргументов крутились обрывки из песен Высоцкого: «постоять на краю...», «лучше гор могут быть только горы...»

Тем же вечером при встрече в столовой Илья (главный сват) сказал: «Что, старик распропагандировал Вас насчёт Вадима?.. Ему-то что надо?..»

На этом сватовская кампания закончилась, я вздохнула с облегчением, было забеспокоившийся Иван успокоился. Но... от всего узнанного в эти дни мне было грустно.

Потянулись, а потом побежали последние дни нашего пребывания в бывшей Колхиде. Зайнаб уже активно готовилась к отъезду: во всех здешних магазинчиках и лавочках буквально скупала какие-то с моей точки зрения ненужные вещи и вещички: вышитые салфеточки, вязаные носки, шапочки и шарфики, матерчатые домашние шлёпанцы, плохие игрушки... Даже договорилась с экскурсоводом Анатолием, и тот свозил её в этих же целях в Кутайси... «Зачем?» – спрашивала я Зайнаб. Оказалось, это обязательные по их узбекскому обычаю подарки не только для ближней, но и для дальней родни: бабушкам-дедушкам, тётям-дядям. Хоть что-нибудь, но нужно привезти. Мне было жаль денег, заработанных Зайнаб и её мужем, и я вмешалась в эту подарочную кампанию. Для детей мы купили хорошего детского белья – на всех пятерых. А для мужа Зайнаб по моей просьбе Абрам раздобыл небольшой

кавказский нож в кожаном чехле – не новый, но тем более дорогой: старинный, внушительный.

Здесь, на курорте, ещё до нас сложилась традиция провожать отъезжающих в аэропорт или на вокзал в Кутаиси. Из нашей компании первым уезжал Такен, и я, Иван и Зайнаб ходили его провожать. До сих пор стоит в моей памяти картина: Такен, уже в вагоне, прижался своим широким казахским лицом к вагонному окну, и крупные слёзы текут прямо по стеклу. А мы с Иваном держим под руки совсем ослабевшую от горя Зайнаб.

Одна женщина, наблюдавшая всё это, потом рассказала мне про своей случай: «Вот никого в молодости не любила. Девчонки вокруг влюблялись почему зря, а я... И замуж-то вышла только потому, что было уже пора, а он был очень хороший человек. А тут вот... Василий... Но мы с ним решили даже не переписываться, не рушить семьи... Дети же... У него двое, у меня двое... Не судьба нам...»

Господи, почти всерьёз думала я: как же легко прошла я через ниспосланные мне курортные испытания: всего-то два Ивана и один Вадим-альпинист.

Через два дня проводили мы и Зайнаб. Как она управлялась на неизбежной пересадке (между их южными республиками) со всеми своими сумками и сумочками, мешками и мешочками... и огромным фанерным чемоданом?.. И с разбитым сердцем?.. Ах, Зайнаб! Милая Зайнаб!..

Но как бы то ни было, подошёл к концу срок и моего пребывания в Колхидской долине. Екатерина Ивановна, по условиям возникшей между нами взаимной симпатии и где-то даже дружбы, попросила меня «задержаться» ещё на два дня, чтобы сопровождать в дороге домой Ивана, так как у него началась неизбежная реакция на радоновое лечение: боли в спине. А ехать нам с ним предстояло в тот самый Новокузнецк, где у моих родителей гостила моя пятилетняя дочка.

Ехать нам предстояло автобусом до Сочи и потом на поезде до нашего Кузбасса.

Поездка на автобусе до Сочи по высокогорной дороге до сих пор стоит у меня в глазах: справа (в трёх метрах от окна автобуса) под прямым углом к дороге гора, а слева – далеко внизу – Чёрное море... Насмотрелась я в тот раз на него на всю жизнь...

А в Сочи было трудно. Иван после часовой поездки на автобусе мог только лежать. Мне предстояло найти место для ночлега на одну ночь, покупать на рынке какую-то еду в долгую дорогу, искать редкое здесь, как снег даже зимой, такси: своим ходом Иван не добрался бы до поезда. Слава богу, на всех поворотах этих моих хлопот мне помогали добрые люди.

А затем по счастливой случайности именно в нашем вагоне возвращались – после отдыха в Сочи «дикарём» – две знакомые Ивана и его жены. Вот они и перехватили у меня Ивана – и по дружбе, и из-за заметного опасения, не претендую ли я на продолжение нашего курортного с ним знакомства.

Я, видит бог, не претендовала. Но спустя много лет с большой радостью получила от него своеобразный привет. В самый разгар перестройки в одной из новокузнецких газет – шахтёрских, взрывных, остро популярных в то время в Томске (их привозили в Томск волонтеры – поездом, в сумках) – сообщалось,

что в Старокузнецке (это исторический район Новокузнецка) восстанавливают храм, взорванный в двадцать втором году прошлого века. И в его (храма) восстановлении принимают участие братья Гелеверы – архитекторы. Надо полагать, сыновья Ивана, фамилия-то нечастая. Я порадовалась – и за Ивана, и за храм. Это был один из острых знаков того невероятного времени: дорога к храму... И подумала, а жив ли сам Иван, успел ли порадоваться на своих архитекторов?

Вот и снова кольнуло меня раскаяние за то бездумное, небезгрешное применение к Ивану – тогда, давнишним цхалтубским летом – ядовитого стишка Маяковского про монтера Ваню... Впрочем, судьба, поверив в искренность моего раскаяния, одарила и меня парой архитекторов – в лице моей внучки Ани и её мужа Толи. А теперь на архитектурные подготовительные курсы при университете собирается их дочь, девятиклассница Маша. Долгая же память у судьбы...

Но болезненный щелчок по носу... как выразилась бы в этом случае моя мать – бездонный кладёз острых народных выражений и сентенций на все случаи жизни... Да, так вот моё раскаяние по поводу нехоти подвернувшегося мне электротехника Жана было лишь одним из нескольких уроков, преподанных мне там, в Цхалтубо. Были ещё и другие, но на первый план среди них с течением времени выдвинулся тот, что преподавал мне Леонид Николаевич – ленинградский профессор и меломан – там, в музыкальном зале нашего санатория: избегать всякого рода экстремизма как выхода за рамки нормы – в своём ли собственном жизнепроявлении или в проявлениях других. Вот краткий список экстремалов, составленный на скорую руку Леонидом Николаевичем: альпинисты, байкеры и сёрферы.

С течением времени этот список в моих представлениях о жизни расширился, экстремизм определился как тяга за грань необходимого и достаточного – вообще за рамки нормы, и отношение к нему определилось как резко отрицательное.

В одном из моих университетских спецкурсов, филологическом, но с философским уклоном, вопрос о норме и отклонениях от неё встал остро, ребром: норма – это хорошо или плохо? С одной стороны, во всех значительных достижениях человека (человечества) всегда имел место выход за грань возможного и нормального. Но с другой стороны, характеристики типа «Он ненормальный» или «Это ненормально» вряд ли можно считать положительными.

В разгар этих наших дилетантских рассуждений в наше – со студентами – поле зрения попала книга писателя Владимира Сорокина «Норма». Не читали? Вот её краткое содержание. Примерно на двухстах пятидесяти её страницах напечатано только одно слово, совпадающее с названием книги, вот так: «Норма. Норма. Норма. Норма. Норма...» – и так далее до самого конца. Мы со студентами так и не поняли, за норму или против неё выступает писатель В. Сорокин.

Так что сегодня я стою на той точке зрения, что тяга за грани разумного и необходимого, то есть нормы, это неизбежное последствие широко понимаемой культуры – как большой суммы разного рода технологий, а также духовных и эстетических практик человека. Все эти запредельные по затратам сил

человека виды спорта и развлечений – слалом, сверхскоростные автогонки, парашютный спорт... Без постановки какой-либо разумной цели...

Ничего подобного не наблюдается в живой природе. Горные козлы то и дело, по сорок раз на дню, «стоят на краю» страшных обрывов и сгибают с них вниз, но только ради редких в горах полянок зелени. Львы и тигры развивают скорость до 65 км в час, но только в погоне за, так сказать, своим хлебом насущным, а лани, зебры и прочие копытные – только чтобы избежать участи этого самого «хлеба»... То же самое и в царствах птиц и морских животных.

И ведь все спортивные безумства морально одобряются и финансируются в государственном масштабе – за счёт других расходных статей... Мизерных зарплат и пенсий... Дофинансирования недофинансированных медицины и дорожного строительства (а плохие дороги всё ещё остаются у нас проблемой номер два – после дураков)... Да мало ли ещё чего!..

В этих моих доморощенных рассуждениях я чётко различаю многочисленные и многообразные риски, неизбежные в продуктивных, полезных видах деятельности (авиация, угледобыча, высотное строительство) и чисто спортивное «безумство храбрых». И безусловно приветствую необходимую физкультуру: «закаляйся, как сталь»!.. В точности так же, как различаю «шипенье пенных бокалов и пунша пламень голубой» – за праздничным столом или даже «в час пирушки холостой» – и алкоголизм и наркоманию, эти бичи человечества.

Я осознаю, что встать на такую позицию в этом сложном вопросе небезопасно. Сколько контраргументов, не менее эмоциональных, чем мои аргументы, посыплется со всех сторон! А ведь Леонид Николаевич, за давностью лет и дальностью расстояния, не может принять на себя главный удар оппонентов в этом споре, если бы он состоялся в действительности. Поэтому в качестве своего главного аргумента обойдусь вот таким конкретным воспоминанием. Много лет спустя после Колхиды я, будучи в Москве (в научной командировке), оказалась вместо вожделенного зала № 3 Ленинки (библиотеки им. В.И. Ленина) в стационаре одной из московских больниц – по причине очень серьёзного панариция, потребовавшего серьёзной операции. Больница была старая, столетняя и при ней столетний же парк, где я по вечерам гуляла. Обычно в этом парке не было никого, кроме меня, но однажды из аллеи, параллельной той, по которой прогуливалась я, раздались звуки, производимые явно подвыпившей компанией. И вдруг сквозь крики и гитарные переборы послышался такой страшный – чёрный! – мат... Я поспешила в корпус, а по дороге в просвете между аллеями увидела эту компанию молодых парней, по виду очень здоровых и как-то подчёркнуто ухоженных и хорошо одетых – но в колясках...

В корпусе мои товарищи по несчастью (пациенты «пальчикового» отделения) сообщили мне, что эти колясочники – пациенты первого этажа, «спинного» отделения: спортсмены со сломанными спинами – и, по всей видимости, без надежды на выздоровление, раз лежат в этой старой, бедной больнице... Это моё воспоминание из числа тех, что на всю жизнь.

Но эти гитаристы-колясочники хотя бы остались живы. А сколько спортсменов гибнет, оставляя за собой молодых вдов, детей-сирот и безутешных родителей! Оставшихся на произвол судьбы стариков!..

А закончить это тематически пёстрое повествование придется грустным. Я недавно заглянула в интернет: в настоящее время Цхалтубо – еле живой курорт. Из всех его корпусов функционирует только один. Что произошло? Радоновая ли речка иссякла или радон утратил свою целительную силу? Научились ли транспортировать эту силу в более доступные места? Или, не дай бог, заменили таблетками? Таблетировали...

Я не знаю этого – как и многого другого. В моей памяти Цхалтубо – бывшая Колхида – остался в том виде, как я его здесь описала.

И вальса звук, и сердца стук...